

УДК: 929+394

ЭТНОГРАФ БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ: ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ВЯЧЕСЛАВОВИЧА ЧЕРНИЦЫНА (9 ИЮЛЯ 1954 Г. – 27 ФЕВРАЛЯ 2024 Г.)

Корневский Андрей Витальевич

Южный Федеральный Университет,

Ростов-на-Дону, Россия

koren@sfedu.ru

Аннотация. Очерк посвящен воспоминаниям о замечательном этнографе и яркой многогранной личности – Сергее Вячеславовиче Черницыне, выпускнике исторического факультета Ростовского государственного университета, многие годы отдавшего работе в музеях, научным исследованиям в области истории и этнографии донского казачества, преподаванию в высших учебных заведениях Ростова-на-Дону. Центральное место в очерке занимает рассказ об этнографических экспедициях 1981–1982 гг. в Тарасовском районе Ростовской области, в которых, по мнению автора, полностью раскрылись профессиональные и личные качества С.В. Черницына: с одной стороны – как наблюдательного и неординарно мыслящего ученого и этнографа-практика, искусно владеющего методикой полевых исследований, с другой – как человека тонкой душевной организации, тактичного и чуткого, бережно относящегося к чужому «Я», будь то друзья, коллеги, студенты или люди, являющиеся объектом научных изысканий, его непосредственными информаторами.

Ключевые слова: Сергей Вячеславович Черницын, Ростовский государственный университет, исторический факультет, этнография, экспедиции, донское казачество.

Цитирование: Корневский А.В. Этнограф Божией милостью: памяти Сергея Вячеславовича Черницына (9 июля 1954 г. – 27 февраля 2024 г.) // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 201–212. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-110-123 / Korenevskiy A.V. Ethnographer by the Grace of God: in Memory of Sergey Cheritsyn (July 9, 1954 – February 27, 2024), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 2. Pp. 202–212. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-110-123.

© Корневский А.В., 2024

ETHNOGRAPHER BY THE GRACE OF GOD: IN MEMORY OF SERGEY CHERITSYN (JULY 9, 1954 – FEBRUARY 27, 2024)

Korenevskiy Andrey V.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
koren@sfedu.ru

Abstract. The essay is written in memory of the remarkable ethnographer and bright versatile person Sergei Chernitsyn, a graduate of the Historical Faculty at Rostov State University, who dedicated many years working in museums, scientific research in the field of history and ethnography of the Don Cossacks, teaching at higher educational institutions of Rostov-on-Don. The centerpiece of the essay is a story about the ethnographic expeditions of 1981–1982 in the Tarasovskiy district of the Rostov oblast, in which, according to the author, S.V. Chernitsyn's professional and personal qualities were fully revealed: on the one hand, as an observant and extraordinarily thinking scholar and ethnographer-practitioner, skillfully proficient in the methodology of field research, on the other hand – as a person of subtle spiritual organization, considerate and sensitive, caring for someone else's "I", whether friends, colleagues, students or people who were the object of scientific research, his direct informants.

Keywords: Sergey V. Chernitsyn, Rostov State University, Faculty of History, ethnography, expeditions, Don Cossacks.

Кто такой историк... и шире – гуманитарий? Ученый ли он? Многие, особенно из числа естественников и математиков, с превеликим восторгом ответят на этот вопрос отрицательно. Историки придерживаются иного мнения, хотя время твердокаменного сциентизма в позитивистском духе, безусловно, давно прошло: всякий, кто имеет непосредственное отношение к производству гуманитарного знания, согласится, что оно невозможно без такого наиважнейшего умения, вовсе не обязательного для естественника, как «вчувствование» в объект исследования. И едва ли не самое критически важное значение имеет это свойство в такой области историко-гуманитарных штудий, как этнография. Собственно, любой гуманитарий имеет дело с разными проявлениями человеческой природы, а историк, в отличие от других собратьев по этому цеху – с плодами трудов людей, которые уже покинули сей мир: его наука не может исследовать то, что еще не завершено. Однако этнограф, будучи историком в широком смысле слова, поскольку также, как новисты, медиевисты, ориенталисты, et cetera, et cetera, выполняет миссию медиации между своими современниками и прошлыми поколениями, имеет дело не с мертвыми хрониками и иными артефактами, а непосредственно с самими «людьми во времени» [Блок, с. 100], но людьми *живыми*, пребывающими во времени уже *уходящем*, *однако еще продолжающемся*.

Именно поэтому истинный этнограф, по моему глубочайшему убеждению, не может состояться в науке, если он центрирован на себе, лишен дара эмпатии, чуткости и бережного отношения к чужому «Я». Словом, рискну утверждать, что *настоящий* этнограф не может не быть хорошим человеком. И это убеждение – отнюдь не плод отвлеченных размышлений, а результат личного знакомства с человеком, которого я считаю воплощением всех этих качеств. И тем тяжелее сознавать, что его уже нет среди нас...

Из жизни ушел замечательный ученый, наблюдательный и нетривиально мыслящий пылкий исследователь, вдохновенный педагог, но прежде всего – человек тонкой душевной организации, безупречно честный и порядочный, внимательный к людям, щедро наделенный от природы мягким юмором и самоиронией.

Наше знакомство с Сергеем Вячеславовичем Черницыным (тогда просто – Сергеем) состоялось в далеком 1979 г., на раскопках в Танаисе. Он к тому времени уже два года как окончил истфак Ростовского университета, а я по завершении первого курса того же факультета проходил там археологическую практику. В том же 1979-м, осенью, Сергей появился в нашей аудитории в качестве преподавателя: ему было поручено вести на втором курсе семинары по истории Средних веков. Разумеется, мы (я и моя будущая жена Марина, также проходившая практику в Танаисе), не позволяли себе никакого амикошонства, не подавали виду, что знакомы с новым «преподом», и строго соблюдали в стенах истфака все нормы академического этикета. Конечно, за пределами факультета общение принимало более свободные формы, но тогда это еще не было близким знакомством. По-настоящему оно состоялось полутора годами позже, когда Сергей, в то время работавший в краеведческом музее, предложил нам с женой поучаствовать в

этнографической экспедиции в Тарасовском районе — отдаленной северо-западной периферии Ростовской области. Мы согласились без всяких колебаний, да и как могло быть иначе, коль скоро все студенты истфака 70–80-х благодаря обожаемому нами Юрию Венедиктовичу Кнышенко были поголовно влюблены в этнографию?

Итак, за плечами — летняя сессия, и мы в составе экспедиции (8 человек, включая водителя) несемся на тряском и дребезжащем автобусе через всю область. Сергей дает краткие инструкции: мы делимся на две группы (в одной — он сам, я и Марина, в другой — собственно музейщики) и, заходя в село или хутор, условно делим территорию на «зоны ответственности», чтобы не мешать друг другу. Окинув оценивающим взглядом Мариного платье в «венгерском» стиле, сказал: «Сойдет за казачье. Желательно “в поле” надевать именно его». Также попросил ее на время работы заплетать косу — никаких хвостов, надо быть для потенциальных информаторов предельно *своими*. Уже работая в слободе Дячкино, хуторах Атаманском и Каюкове, других местах, мы поразились, как Сергей настраивается на волну информаторов, входит в образ — начиная с «былинного» нарратива и распевных интонаций, достойных легендарного Бояна: «Здравствуйте, бабушка! Мы из музея ростовского, ходим по селам и весям, расспрашиваем людей, как жили в старину...». И просто удивительно, как эти бабушки и дедушки, чувствуя самую искреннюю нашу заинтересованность в разговоре об их жизни, раскрывали себя, свою душу, самые сокровенные воспоминания о пережитом. А вслед за повествованием о своем прежнем житье-бытье, радостях и горестях далекой молодости — несли старые фотографии и другие дорогие сердцу напоминания о прошлой жизни. Вот тут возникал самый деликатный момент: экспедиция все-таки музейная, и для начальства главный показатель ее успешности — не этнографические записи, а пополнение экспонатуры. Но к тому моменту Сергей уже настолько располагал к себе этих милых старичков и старушек, что они сами дарили нам свои сокровища.

Единственный раз мы даже не заикнулись о подарке, когда в одном из домов нам показали настоящую донскую шубу из добротной овчины, крытую яркой шелковистой тканью, шитую в конце позапрошлого века для матери нашей собеседницы. Надо понимать, что такая шуба — не просто одежда, а зримый образ женской судьбы казачки: ее «справляли» в приданое невесте, она делалась запашной, чтобы можно было носить и во время беременности, а потом — закутывать в нее ребенка. И служила такая шуба нескольким поколениям. Поэтому, сознавая, что и само по себе это — истинное сокровище, а для ее хозяйки — еще и воплощение жизни четырех поколений ее семьи (в ней выносили и вынянчили ее саму, ее детей и внуков), мы сразу предложили назвать цену. Хозяева запросили что-то чуть больше ста рублей, и Сергей, тут же отсчитав названную сумму, принялся заполнять документы о сделке.

Через много лет я случайно наткнулся на его отчет об этой экспедиции, опубликованный в «Советской этнографии» [Гречухин, Черницын, с. 143], и скупые строки о записанных в Атаманском и Каюкове легендах и обрядах, о кружевных косынках,

колпаках¹, шаях и той же шубе навеяли воспоминания о наших странствиях по Тарасовскому району. Вспомнились долгие разговоры и вечерние посиделки, рассказы Сергея о его этнографическом и музейном опыте, перемежавшиеся с бытовыми зарисовками, проникнутыми неповторимым «черницынским» юмором. Особенно запомнились рассказы о работе Сергея в Старочеркасском музее, где нет-нет да и всплывал гротескный образ местного люмпена-хитрована Васьки Гуся. Повествуя о проделках этого трикстера, Сергей подытоживал свои рассказы фразой, которая у нас потом вошла в семейный обиход: «Гад был Васька Гусь. Так бы и убил, но интеллигентские комплексы не позволили».

А еще нас поразила такая черта характера Сергея, как спокойная, совершенно лишенная пафоса целеустремленность и умение держать удар судьбы. Он спокойно и буднично рассказывал, как долго трудился над диссертацией, посвященной этнографии калмыков, но, когда общий строй исследования уже обрел вполне осязаемые формы, оказалось, что в Элисте защищена диссертация по очень близкой тематике. Другой бы рассказывал все это на эмоциях, побуждая посочувствовать своему несчастью, да еще и помянул бы недобрым словом откуда-то взявшегося конкурента. Сергей же говорил это без всякой патетики: ну случилось и случилось, будем работать над другой темой. И именно поэтому так важна была для него эта экспедиция, потому что уже тогда он собирал материал для своего исследования, которое потом превратится в кандидатскую диссертацию «Донское казачество: этнический состав и этнические процессы (XVIII–XIX вв.)» [Черницын, 1992]. И тут нельзя не отметить одной черты Сергея, много говорящей о его чуткости и такте. В паузах между нашими разговорами с информаторами он неоднократно сетовал, что ему очень нужны для диссертации сведения о погребальных обрядах, но каждый раз он не решается задавать такие вопросы: «Только заикнешься об этом, а баушка сразу в слезы». Ведь старые люди не просто рассказывали о своем прошлом, они реально погружались в него — именно поэтому так загорались глаза у старушек, когда они подробно описывали все свадебные обряды, и так приосанивались старики, повествуя о своих воинских подвигах. Они не моли говорить о чем-то абстрактно — только о том, что пережито и выстрадано. Поэтому любой вопрос о похоронах будет беречь их раны, снова повергать в однажды пережитое горе. Пожалуй, это был единственный случай, когда профессиональные устремления Сергея вступали в противоречие с его человеческими качествами и жизненными правилами.

Благодаря Сергею мы впервые осознали значение этнографии не в качестве академической дисциплины, а как реального портала в прошлое. Дело было не только в экзотических обычаях и обрядах, о которых рассказывали наши информаторы, но и в том, что они сами были частью этих канувших в Лету «трудов и дней», более того — они продолжали жить в том времени и своих воспоминаниях. Много позже этот опыт пригодился мне при совершенно иных обстоятельствах. Читая замечательную книгу Марии Оссовской «Рыцарь и буржуа», я немного усомнился в

¹ Головной убор замужней казачки.

оправданности использования ею в качестве источника для реконструкции этоса джентльмена южных штатов романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» [Оссовская, 1987]. Ведь написание этого произведения отстоит от описываемых событий на целых два поколения, более полувека! Но позже, прочитав написанную Энн Эдвардс биографию Митчелл, понял правоту М. Оссовской: создательница «Унесенных ветром» именно потому и была надежным информатором, что родилась и выросла в окружении людей, травмированных поражением в Гражданской войне и последующим унижением Реконструкции, для которых время остановилось. С детства ее окружали люди, готовые при любом случае обсуждать мельчайшие детали битвы при Геттисберге или пожар Атланты – «не как нечто случившееся сорок лет назад, но просто как часть их собственной жизни» [Эдвардс, 1994, с. 33].

Подобный эффект «застывшего времени» нам довелось наблюдать в 1981 г. в хуторе Атаманском. Когда мы подолгу общались с нашими информаторами, они порой настолько прониклись к нам доверием, что выключали «внутреннего цензора» и вдруг погружались в былое, подобно ветеранам Конфедерации, для которых Гражданская война так и не закончилась. «Ой, сыночки, что тут было, – причитала одна из бабушек, – тут наши белые, там ихние красные, прискочуть, порубают, кровящи кругом... К нам в дом входит такой – в кожанае, перепоясанный весь. Увидел на стене Николая Александровича с Александрой Федоровной и хватить их об пол...». Но в следующую минуту, опомнившись: «Ой, сыночки, а вы меня не посодите?!»

В советских учебниках мы читали, что «трудовое казачество» пошло за большевиками, а здесь воочию увидели людей, для которых «свои» – это белые, а не красные, и советскую действительность они так и не приняли. Нам показали щедедушного дедушку с усохшей ногой, и мы услышали горестную повесть о его жизни. Отец этого старичка – голытьба из голытьбы – едва пришли красные, взял сына-подростка и пошел к белым, но в первом же бою погиб, а сын был ранен в бедро, после чего нога и начала сохнуть.

Годом позже нам довелось вновь наблюдать эффект «застывшего времени», когда по предложению Сергея мы вновь отправились в Тарасовский район, но теперь в западную его часть, в станицу Митякинскую. После многочасовой дороги через всю область до Тарасовки и еще часа полтора тряски по песчаной грунтовке мы оказались в настоящем донском граде-Китеже. Митякинская некогда была одной из богатейших станиц, известной на всю Россию своими ярмарками, но жизнь в ней если и не остановилась, то резко замедлила свой бег после того, как железная дорога прошла восточнее, через Тарасовку. Старожилы рассказывали нам, что митякинцы сами вынесли себе приговор. Как и многие россияне тех лет, они стали жертвами железнодорожной фобии. Панически боясь, что их благодатный край осквернит это лязгающее и изрыгающее копать чудовище, они отправляли в Петербург ходатаев с немалыми взятками (так, по крайней мере, рассказывали наши информаторы), чтобы «чугунка» прошла мимо их благословенной станицы. И где еще, как не в граде-Китеже, можно было встретить ветерана лейб-гвардии Атаманского

Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка и услышать от него совершенно невероятные полковые байки и прибаутки?

До сего дня я сохраняю твердую уверенность, что ничто так не прививает историку чувство сопричастности к прошлому, как полевые этнографические исследования. И это благодаря Сергею Черницыну! Именно поэтому мне кажется большой ошибкой то, что этнографической практики нет в учебных планах историков. Много позже, работая вместе на одной кафедре, мы обсуждали с Сергеем эту проблему и даже написали статью, в которой попытались изложить свои резоны [Кореневский, Черницын, 2000].

В последние годы, после перехода Сергея на работу в ДГТУ, мы редко виделись, хотя периодически он участвовал в наших конференциях и публиковался в журнале «Новое прошлое» [Черницын, 2021]. Увы, все мы нередко становимся заложниками рутины, откладывая на потом общение с близкими по духу людьми, а потом горько сожалеем, когда они уходят туда, откуда нет возврата. Тем не менее яркие и живые воспоминания об этом незаурядном человеке и эталонном этнографе пребудут со мной всегда.

И напоследок — о том, с чего, собственно, начинал. Много раз говорено, что хорошие книги пишут не хорошие люди, а хорошие писатели. Умом я это как-то понять могу, а вот принять не получается. Ей-Богу, порой читаешь добротный текст — не важно, художественный или научный — и, если знаешь, что автор — не только профессионал, но и человек «что надо», восприятие произведения обогащается новыми красками. Как бы получаешь двойное удовольствие от текста, испытывая чувство симпатии к автору. Поэтому мне очень близко суждение А.А. Кабакова, не раз высказанное им в статьях и интервью: «Если бы у меня был выбор, что к концу моей жизни кто-то скажет, что, мол, средней руки беллетрист Александр Кабаков, но мужик приличный, либо — ну, безусловно, гений, но гадина, я выбираю первое. Средней руки беллетриста и приличного мужика» [Сеславина, 1996]. И все-таки есть области самореализации человеческого духа, в которых профессионализм и порядочность — отнюдь не альтернатива, не вопрос выбора «что лучше?», а взаимообусловленные факторы достойного результата. Этнография из их числа. И уход Сергея Вячеславовича Черницына — невосполнимая потеря как для науки народоведения, так и для всех соприкасавшихся в жизни с этой яркой и многогранной личностью. Вечная память этнографу от Бога и хорошему человеку.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.

Гречухин В., Черницын С. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1982. № 4. С. 142–143.

Корневский А.В., Черницын С.В. Мониторинг этнокультурных и социальных процессов как образовательная и научно-практическая задача // *Роль классических университетов в развитии единого научного и образовательного пространства России: Материалы всероссийской научно-практической конференции 6–9 декабря 1999 г.* Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2000. С. 217–220.

Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.

Сеславина Е. Александр Кабаков: «Я с государством не играю» (интервью) // *Дружба народов*. 1996. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1996/3/ya-s-gosudarstvom-ne-igrayu.html?ysclid=lx7o1ksoga457005032> (дата обращения – 30.05.2024 г.).

Черницын С.В. Донское казачество: этнический состав и этнические процессы (XVIII–XIX вв.): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1992. 27 с.

Черницын С.В. Некоторые современные аспекты изучения классовой борьбы // *Новое прошлое / The New Past*. 2021. № 2. С. 204–212.

Эдвардс Э. Дорога в Тару. М.: Дрофа, 1994. 512 с.

REFERENCES

Bloch M. *Apologiya istorii, ili remeslo istorika* [Apology of History, or the Historian's Craft]. Moscow: Nauka, 1986. 256 p. (in Russian).

Grechukhin V., Chernitsyn S. Korotko ob expeditziyakh [Briefly about Expeditions], in *Sovetskaya etnografiya*. 1982. No. 4. Pp. 142–143. (in Russian).

Korenevskiy A.V., Chernitsyn S.V. Monitoring etnjkul'turnykh i sotsial'nykh protsessov kak obrazovatel'naya i nauchno-prakticheskaya zadacha [Monitoring of Ethno-cultural and Social processes as an Educational and Scientific-practical Task], in *Rol' klassicheskikh universitetov v razvitiu edinogo nauchnogo i obrazovatel'nogo prostranstva Rossii: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy 6–9 dekabrya 1999 g.* [The role of classical universities in the development of a unified scientific and educational space in Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical conference on December 6–9, 1999]. Rostov-on-Don: Izd-vo RGU, 2000. Pp. 217–220. (in Russian).

Ossowska M. *Rytsar' i burzhua: issledovaniya po istorii morali* [Knight and Bourgeois: A Study in the History of Morality]. Moscow: Progress, 1987. 528 p. (in Russian).

Seslavina E. Aleksandr Kabakov: "Ja s gosudarstvom ne igrayu" (interv'yu) [Alexander Kabakov: "I Don't Play with the State" (Interview)], in *Druzhba narodov*. 1996. No 3. Available at: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1996/3/ya-s-gosudarstvom-ne-igrayu.html?ysclid=lx7o1ksoga457005032> (accessed 30 May 2024). (in Russian).

Chernitsyn S.V. *Donskoye kazachestvo: etnicheskij sostav i etnicheskie protsessy (XVIII-XIX vv.)*. [Don Cossacks: Ethnic Composition and Ethnic Processes]. Abstract of

the dissertation of the candidate of Historical sciences: 07.00.07. Moscow: MGU im. Lomonosova, 1992. 27 p. (in Russian).

Chernitsyn S.V. Nekotorye sovremennyy aspekty izucheniya klassovoy bor'by [Some Modern Aspects of the Class Struggle Study], in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No. 2. Pp. 204–212. (in Russian).

Edwards A. *Doroga v Taru* [Road to Tara]. Moscow: Drofa, 1994. 512 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 01.06.2024